

Памяти мастера

Владимир Петрович Зинченко (1931-2014) – известный в нашей стране и за рубежом психолог, один из создателей инженерной психологии в России. В 1998 г. организовал и до 2007 г. возглавлял кафедру психологии в университете «Дубна», после этого продолжал осуществлять научное руководство кафедрой.

Доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, вице президент Общества психологов СССР (1968—1983), заместитель председателя Центра наук о человеке при президиуме АН СССР (с 1989), иностранный почетный член Американской академии искусств и наук (1989). Главный редактор международного научного журнала «Культурно-историческая психология», член редколлегии научных журналов «Вопросы психологии», «Вопросы философии» и «Психологического журнала университета «Дубна».

УДК 159.9.07

Б.Г. Мещеряков

**Открывая работы В.П. Зинченко,
преодолевая избыточность степеней свободы понимания**

Аннотация:

В статье анализируются основные творческие мотивы, представленные в последних работах основателя и первого руководителя кафедры психологии университета «Дубна» В.П. Зинченко (1931-2014), а также особенности его стиля мышления. Отмечаются такие особенности стиля как гипотетичность, антропологичность, энциклопедичность, метафоричность и иконичность. Дается характеристика трех крупных направлений исследований мастера: истоки культурно-исторической психологии, слои и образующие сознания, духовное развитие человека.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, культурно-историческая психология, образующие сознания, вертикаль духовного развития.

Об авторе: Мещеряков Борис Гурьевич, доктор психологических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: borlogic@yahoo.com

Данная статья не является некрологом, тем не менее, вполне целенаправленно посвящена памяти выдающегося отечественного психолога – Владимира Петровича Зинченко (1931-2014). За время после его недавней кончины вышло немало публикаций с биографическими описаниями и

воспоминаниями о нем¹. Гораздо меньше публикаций посвящено его творчеству, содержательному анализу его научных работ. Учитывая это обстоятельство, здесь я буду анализировать основные творческие мотивы (и немного психологические), представленные в работах В.П. Зинченко последних двух десятилетий². Тем самым, надеюсь, частично компенсировать большой накопленный долг за то постоянное внимание этого человека и ученого, которое он проявлял к работам своих коллег и к судьбе психологии.

И все-таки нельзя не отметить, что В.П. Зинченко организовал в 1998 г. и возглавлял до 2007 г. кафедру психологии в Международном университете природы, общества и человека "Дубна". И после сложения с себя обязанностей заведующего он продолжал читать лекции в нашем университете, участвовать в работе Государственной аттестационной комиссии и быть научным руководителем основанной им кафедры психологии.

Реконструкция философско-гуманитарного контекста культурно-исторической психологии

Один из ведущих мотивов научной деятельности В.П. Зинченко последних двух десятилетий – дойти до самой сути идей Л.С. Выготского, созданного им варианта культурно-исторической психологии. Хорошо зная практически все, что написано самим Л.С. Выготским и другими о его идеях, В.П. Зинченко, тем не менее, соглашался³ со словами Д.Б. Эльконина, сказанными в 1984 году: «...при чтении и перечитывании работ Льва Семеновича у меня всегда возникает ощущение, что чего-то я до конца не понимаю. И я все время стараюсь найти и отчетливо сформулировать ту центральную идею, которая руководила им с самого начала его научной деятельности до самого ее конца» [23, 475]. По-видимому, убедившись, что эта проблема не решается методом прямых путей, В.П. Зинченко предположил, что она может быть решена методом обходных путей: «Для лучшего понимания его <Выготского. – Б.М.> идей полезно выявление широкого научного и культурного контекста, в котором они возникали. Тем более что многое из этого контекста у самого Л.С. Выготского находится в подтексте» [8, 269].

Решая ту же задачу в духе «культурно-исторического подхода» к самой психологии (в первую очередь, культурно-исторической), В.П. Зинченко⁴ поставил под сомнение традиционную точку зрения, согласно которой «вклад Л.С. Выготского в развитие отечественной психологии считался феноменальным, но появившимся неожиданно исключительно в силу его гениальности. Такая точка зрения фактически отражала разрыв культурной традиции, насильственно произведенный в годы сталинщины» [11, 12]. В качестве альтернативы была выдвинута новая гипотеза о широком культурном фундаменте культурно-исторической психологии, чему во многом и была посвящена книга «Человек развивающийся». В дальнейшем эта тема была продолжена в книге «Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили» [8]. К ней же В.П. Зинченко вернулся в недавних книгах: «Сознание и творческий акт» [10] и «Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст» [12]⁵.

При всей оригинальности эта гипотеза просто чудесно согласовывалась с тем, что и раньше было известно о Л.С. Выготском – например, о его филологических, эстетических, лингвистических, этнографических и философских интересах, а также с трагическим признанием его «одним из последних энциклопедистов в психологической науке» [14, 40]. В рамках новой гипотезы все это вставало на свои места и легко объяснялось: «Культурно-историческая психология в варианте Л.С. Выготского возникла на закате Серебряного века российской культуры. Тогда не было строгого разделения труда между наукой и искусством, эстетикой, философией и даже теологией. Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, П.А. Флоренский профессионально работали в перечисленных сферах творческой деятельности. Еще были живы идеи В.С. Соловьева о

¹См., например, два номера журнала «Культурно-историческая психология» (2014, № 1 и № 2) а также сборник материалов Международной научно-практической конференции «Психология третьего тысячелетия» (Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2014, с. 3-13).

² Должен отметить, что в данной статье я в значительной степени опираюсь на свой более ранний текст [19].

³В частности, в написанном им предисловии к моей работе [16].

⁴ Эта тематика разрабатывалась В.П. Зинченко в статьях 1991–1993 годов [3–6], а позднее в собранном виде была представлена в ряде книг, начиная с «Человек развивающийся» [11]. Из соображений удобства я преимущественно буду цитировать книжные источники.

⁵ Работа по реконструкции философско-гуманитарного контекста культурно-исторической психологии увлекла В.П. Зинченко на многие годы. Более того, ему удалось вовлечь в нее профессиональных философов [12].

“всеединстве” чувственного, рационального и духовного знания. Замечательные поэты Б.Л. Пастернак и О.Э. Мандельштам были широко образованы и в философии, и в научном знании. Основатель культурно-исторической психологии Л.С. Выготский был блестящим литературоведом, философом, методологом науки. Он не умещался в узкие рамки нашего сегодняшнего разделения профессий» ([11, 308; ср.: [5, 5; 8, 268]).

Трудно не согласиться и с таким утверждением: «Нам кажется чрезвычайно важным, что Л.С. Выготский, имея филологическое образование, не мог оказаться в стороне от того самого культурного ренессанса начала XX века, о котором свидетельствуют Н.А. Бердяев и А.Ф. Лосев. Если мы примем это предположение, взгляды и место Л.С. Выготского в отечественной психологии перестанут быть внезапно возникшим феноменом, но станут вполне закономерными. Тем более что имеются значительные параллели в развиваемых им положениях и воззрениях его современников: П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина» [11, 52].

Объем работы был столь велик, что авторы имели основания расширить исходную задачу до «реконструкции культурного поля (пространства), существовавшего в первые десятилетия» XX столетия [11, 109], называя это время то «русским Ренессансом», то «Серебряным веком». Своих читателей они предупреждали: «Многое из сказанного о взаимных влияниях недоказуемо. Да и надо ли доказывать? Поле ведь было!» [11, 110].

В результате обширных «полевых работ» было, в частности, установлено, что «идеи В.С. Соловьева о духовной вертикали расшифровывались А.Ф. Лосевым в его учении о медиаторах (знак, слово, символ, миф). В то же время, возможно, В.С. Соловьев и А.Ф. Лосев оказали влияние на создателя культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и его выбор медиаторов (знак, слово). Видимо, не меньшее влияние на развитие идеи опосредования оказали представления Г.Г. Шпета о внутренней форме слова» [11, 109].

Можно предположить, что эта своего рода культурно-историческая экспедиция обогатила и самого В.П. Зинченко новыми философскими и поэтическими «орудиями», с помощью которых он решился на смелый штурм крайне сложных проблем психологии. Среди них на первом месте стоит проблема психического (и шире – духовного) развития человека.

Z-концепция путей построения теории развития человека

Проблема культурного развития ребенка, которая занимает центральное место в исследованиях Л.С. Выготского и всей его школы, с точки зрения В.П. Зинченко является законной частью проблемы духовного развития человека. По его словам, последняя проблема не является чисто академической и тем более ситуативной – «она вечная и всегда актуальная для индивида и социума в какой бы ситуации они не пребывали» [8, 12]. Попытки ее решения продолжаются и будут продолжаться. Таковую попытку в 1990-е годы предпринял и В.П. Зинченко. Было бы странно, если бы он, затратив много сил и времени на выяснение культурного поля культурно-исторической психологии, не сделал этого.

Замысел сформулирован так: «Я хочу на основании опыта психологии развития, накопленного, прежде всего, в школе Л.С. Выготского, предложить *гипотезу о возможном пути построения теории развития человека*» [8, 65].

Обратим внимание на три примечательных момента этой заявки и ее концептуального продукта (Z-концепции⁶): *гипотетичность*, *антропологичность* и *энциклопедичность*. Во-первых, речь идет о гипотезе, причем по ходу изложения В.П. Зинченко неоднократно подчеркивает гипотетический характер своих схем развития и Z-концепции в целом [8, 149].

Во-вторых, говорится не только о развитии высших психических функций, психическом развитии и даже не просто о развитии личности, а о развитии *человека*: «проблема формирования, становления личности – это часть, конечно, важнейшая, но все же лишь часть более широкой проблемы развития человека» [8, 16]. Эту особенность гипотезы (и Z-концепции) можно обозначить словом «*антропологичность*».

⁶ Здесь и далее под «Z-концепцией» понимается оригинальная концепция сознания и «духовного развития», предложенная в работах В.П.Зинченко. Такое сокращение удобнее многословной конструкции и позволяет избежать двусмысленности родительного падежа в названиях, типа «теория сознания В.П.Зинченко» или «гипотеза духовного развития В.П.Зинченко».

В-третьих, в основание гипотезы положен широкий теоретический фундамент, который не ограничен лишь теоретическим наследием Л.С. Выготского и его ближайших сподвижников. В ее фундаменте объединены, как писал сам автор, достижения: «физиологии активности (психологической физиологии) А.А. Ухтомского и Н.А. Бернштейна, в которой развито учение о функциональных органах индивида; учения Г.Г. Шпета о внешних и внутренних формах слова; психологической теории деятельности, действия и сознания А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, в которой развиты представления о видах и формах деятельности, их структуре и роли в формировании психики и сознания; семиотики, в особенности учения о знаковых, семиотических системах и семиосфере Ю.М. Лотмана; философии, в особенности представлений А.Ф. Лосева о культуре, мифе и символе и представлений М.К. Мамардашвили о форме превращенной и топологии пути к самому себе; наконец (или в первую очередь), культурно-исторической теории развития психики и сознания Л.С. Выготского, его представлений о зоне ближайшего развития ребенка» [10, 161-162].

На самом деле, этот список не является полным. В других местах В. П. Зинченко признает существенную важность для своей концепции, по крайней мере, идей еще трех российских мыслителей: В.С. Соловьева, П.А. Флоренского и М.М. Бахтина, и это отлично видно из анализа содержания Z-концепции. Нетрудно, к примеру, догадаться, что применением термина «духовный» в названиях рассматриваемого развития и процессуальных схем В.П. Зинченко хотел подчеркнуть, что его концепция, равно как и культурно-историческая психология (проект Л.С. Выготского), связаны своими корнями с тем, что В.С. Соловьев называл «духовная вертикаль» [11, 103].

При таком внушительном количестве и разнообразии теоретических источников, оснований и конструктивных элементов разработанная автором гипотеза вполне заслуживает характеристики «энциклопедическая».

Предвидя возможные недоумения у некоторых читателей относительно «нетрадиционного» характера ряда упомянутых выше источников, сам автор с присущим ему диалогическим стилем изложения ставит вопрос: «Можно ли на основании идей, опыта, имеющихся в христианской антропологии, в религиозно-философских трудах более конкретно представить себе проблематику развития человека?» [8, 272]. Его собственный ответ сформулирован достаточно четко: «Едва ли следует сомневаться в полезности для науки этого опыта, хотя, как указывалось выше, на протяжении десятилетий наша наука к нему не прикасалась» [8, 272].

Кажется, У. Джеймс не мучился таким вопросом. И вряд ли бы он стал особо переживать по поводу осуждающих или недоумевающих высказываний со стороны каких-то коллег, в глазах которых подобные занятия не совместимы с научностью. Но в процессе чтения трудов З. Фрейда постоянно наталкиваешься на мучительные для него оправдания научности, к примеру, его исследования сновидений. Подобные переживания заметны и в работах Л.С. Выготского, когда, например, он оправдывается за свои анализы так называемых рудиментарных психических функций. В каком-то смысле проще было бы большевистскими приемами постмодернизма объявить: «отныне и вовеки веков, настоящая наука стала неклассической, и в ней теперь действуют другие нормы и законы».

В работах В.П. Зинченко все иначе, намного интеллигентнее, но, к сожалению, именно этого стараются не замечать иные «осуждающие и недоумевающие», для которых сам факт разговоров о духовном опыте стереотипно интерпретируется как религиозная проповедь с вытекающими отсюда выводами о кончине науки и намеками на необходимость оздоровительных санкций и борьбы с ненаучной контрабандой. Для этих педантов⁷ В.П. Зинченко пояснял: «Духовность – более широкое понятие, чем религиозность. Она может быть и светской. Аналогично, и понятие культуры значительно шире понятия культа» [8, 101]; «...никто и никогда не давал религии монопольного права на владение духовностью. Ее состояние и развитие – не меньшая забота светских институтов

⁷ Увы, конфликт педантов и мастеров стар как мир: «Мастер во всяком деле (в математике, в живописи, в музыке, в психологии...) характеризуется именно тем, что не справляясь о том, дозволено ли и возможно ли то, что он собирается сделать, с точки зрения существующих взглядов, убеждений и учений, – делает и осуществляет! Так что для педантов остается лишь задумываться, «как возможно» было то, что фактически сделал!» [21, 419].

общества. Духовное бытие человека, духовно-практическая деятельность – это не только широкий контекст проблематики развития сознания, но и источник сознания как такового» [10, 156].

С другой стороны, надо понимать, что «мир знания, а соответственно и мир образования не полностью совпадают с миром науки» [8, 100], но это понимание, как считает В.П. Зинченко, относится к категории «самого трудного», поскольку оно требует определенной широты взглядов и души, необходимой для преодоления стереотипных матриц этноцентризма, наукоцентризма, психоцентризма, мозгоцентризма и т.п.

Если наука берется за изучение целостного человека и его полноценного развития, то *volens nolens* ей придется расширить традиционное поле исследований. Именно к этому призывает в своих работах В.П. Зинченко: «Признание духовного опыта, погружение в него вовсе не означает отказ от реальных достижений научной психологии. Напротив, это приведет к ее обогащению, сделает ее более интересной и привлекательной, а, соответственно, более деятельной и действенной, будет способствовать повышению психологической культуры, наконец, откроет перед психологией новые горизонты развития. Вместе с признанием возможно и появление путей (пока рано говорить о методах) познания духовной жизни. <...> Акцент на духовности вовсе не означает отказа от проблематики, связанной с природой человека, с его телесностью, чувственностью, аффективностью. Конечно, время духа еще не наступило, но ведь без этого не будет и времени тела» [11, 308; 8, 268].

Не сомневаюсь, что, обратившись к новой тематике, В.П. Зинченко не изменял ни науке, ни школе Л.С. Выготского, и вообще был в полном здравии (как утверждал М.К. Мамардашвили: «духовность – это не болезнь»). Скорее, можно говорить о ставшем реальностью творческом прорыве в развитии научно-исследовательской программы этой школы.

Кроме уже упомянутых трех характерных особенностей Z-концепции развития, для нее в высшей степени характерны еще две взаимосвязанных характеристики: *метафоричность* и *иконичность*. Открыто признавая таинственный характер проблем человека и его развития, сознания, личности, творчества, смысла, живого движения, души и неопределимости этих понятий, В.П. Зинченко не боится в своих обсуждениях использовать их метафорические образы. Что же здесь необычного и оригинального? В предисловии к первому русскоязычному психологическому словарю авторы писали: «В психологической терминологии, правильно замечает Лаланд, часто метафоры употребляются как формулы; персонификация психических функций заменяет их точную номенклатуру; маленькие мифологические драмы подменяют точное описание процессов» [1, 8]. И в современной психологии, в том числе и когнитивной, наряду с ненамеренным употреблением завуалированных метафор нередко в явной форме употребляются ставшие уже хрестоматийными метафоры сознания, внимания, памяти и т.д. В работах В.П. Зинченко поиск глубокой и «незатертой» метафоры превращается в самостоятельный и крайне важный этап творческой работы с понятием. И этому есть объяснение: «Живая метафора может служить важным шагом на пути к живому понятию, назначение которого состоит в схватывании вещи, поэтому заслуживает названия когнитивной, даже эпистемологической метафоры, часто имеющей символический характер» [10, 311].

Интересны и другие высказывания В.П. Зинченко о полезности метафор: «Преимущество метафоры перед определением, помимо ее выразительности, состоит в том, что она характеризует не сторону, не часть, не срез целого: она сама целокупна, она не упраздняет, а сохраняет целое. <...> Метафоры и выражаемые посредством их смыслы живут дольше теорий» [10, 311]. Или более афористично: «Мне кажется, что одна живая метафора много полезнее десятка мертвых понятий» [8, 223], и далее, не менее афористично: «Уверен, что эвристическая роль живых метафор, которые можно было бы вслед за Л.С. Выготским назвать “искусственными понятиями”, в гуманитарном знании ничуть не меньше, чем роль иррациональных выражений в знании точном» [8, 223-224]. В то же время весьма важным является уточнение, что метафоры – не самоцель, не конечный результат: «нахождение живой метафоры – это путь к исследованию, а не замена его» [12, 318].

Примечательно, что основным источником метафор для него, как правило, служит поэзия, а не, скажем, математика, мифология или фольклор. Например, при создании Z-концепции развития автор использует поэтические метафоры, обнаруженные им у М. Волошина, О. Мандельштама, Б. Пастернака и Данте. Следовательно, метафоричность данной концепции имеет поэтический

характер. Эта дополнительная характеристика оправдывается тем, что поэзия есть «самый совершенный орган или орган языка – средство саморазвития и самопознания человека» [8, 77]. Этой идеей пронизана вся работа В.П. Зинченко, которая называется «Возможна ли поэтическая антропология?» (1994), а также глава «Пролегомены к поэтической антропологии» в книге «Посох...» (1997). Недоумевающим педантам В.П. Зинченко адресует еще одно оправдание (или обоснование) любимого им поэтического саундтрека к своим теоретическим и методологическим размышлениям: «Поэтические формулы не менее строги, чем формулы математические, и таят в себе семена научных теорий, в том числе (и прежде всего) психологических. Их создание требует не меньшего таланта: работа над словом столь же трудна, как и с числом» [10, 69].

Наконец, «иконичностью» Z-концепции можно назвать стремление ее автора воплотить свои, как правило, весьма абстрактные идеи в символические изображения, о чем он прямо и с самого начала предупреждает своих читателей: «Памятуя о полифоническом мышлении как наиболее адекватном средстве понимания сознания, я не буду чураться образов. Более того, буду апеллировать к визуальному мышлению читателя» [10, 157].

Конечно, перечисленные характеристики Z-концепции не исчерпывают всех ее особенностей и тем более не отражают ее содержания. Содержательный анализ концепции мы продолжим в следующих разделах. Здесь же я хотел бы обратить внимание на интересную методологическую установку В.П. Зинченко относительно понятийного аппарата психологии, которая близка к стилю мышления Л.С. Выготского. Я имею в виду осознанное конструирование понятий, которые описываются в последнем издании «Большого психологического словаря» (2009) в статье «Гибридные понятия». Прибегну к самоцитированию:

«Гибридные понятия – <...> особый тип понятий, весьма распространенный в психологии, для которого характерно объединение таких противоположных признаков, как внутренние и внешние, субъективные и объективные, формально принадлежащих к разным реальностям. Примерами понятий, имеющих гибридную (смешанную, комплексную) субъективно-объективную природу являются эмоция, мотив, цель, потребность, ценность, психологическое поле, новизна, фрустрация, социальная ситуация развития, деятельность, задача, проблема, проблемная ситуация и многие другие. Количество признаков может быть небольшое, но их разнородность выходит за рамки одной традиционной научной дисциплины. Парадигмальным примером гибридных понятий может служить определение речевой деятельности, данное Ф. Соссюром: “Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство” [20, 48]. Осознание гибридности ряда психологических понятий может способствовать преодолению длительных споров относительно их содержания» [17, 125].

Уже после того, как эта словарная статья была написана, я обратил внимание на следующее высказывание в работе В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова: «Как это ни странно, чем больше развивалась гносеология, логика и методология науки, тем труднее становилось психологии, от которой требовался своего рода методологический ригоризм. Из психологии стали исчезать синкретические знания, кентаврические понятия типа аристотелевской “умной души” или понятия “смертная жизнь” (vitamorto), введенного алхимиками. Подобные понятия возникали и использовались в доцивилизационных формах культуры. Наука, отпочковавшись от культуры, лишилась синкретизма. Последний, согласно Л.С. Выготскому, остался достоянием детского мышления, житейских понятий» [11, 106]. Возможно, из-за этого анамнеза гибридность многих существующих психологических понятий остается недостаточно эксплицированной и осознанной, но у меня есть твердое убеждение, что Л.С. Выготский совершенно не боялся гибридных понятий, и целенаправленно их конструировал.

Содержание Z-концепции

Прежде всего, в рассматриваемой концепции можно выделить две до некоторой степени взаимосвязанные части: одну из них для удобства назовем «Z-моделью сознания», а вторую – «Z-моделью духовного развития».

Z-модель сознания описывает структуру сознания, в которой выделяются слои и образующие (компоненты) сознания, а также взаимодействия и трансформации между образующими. В качестве прототипа для Z-модели сознания используются представления А.Н. Леонтьева о структуре сознания, согласно которым в ней различаются три типа образующих – чувственная ткань, значение и смысл, а о слоях ничего не говорится. По сравнению с представлениями А.Н. Леонтьева Z-модель сознания описывает гораздо более сложную конструкцию с тремя слоями и шестью образующими, причем последние делятся на две категории – объективные и субъективные (или субъектные) образующие. Между слоями и образующими допускается определенное соответствие, позволяющее представить структуру сознания в виде достаточно простой схемы:

Слой сознания	Образующие (компоненты) сознания	
	Объективные	Субъективные
Бытийный	Биодинамическая ткань	Чувственная ткань
Рефлексивный	Значение	Смысл
Духовный	Ты (Другой)	Я

В.П. Зинченко очень четко описывает преобразование структуры сознания в понимании А.Н. Леонтьева в свою модель: «При добавлении еще трех образующих: биодинамической ткани, Я, Ты (Другой) – мы получаем трехслойную, или трехуровневую, структуру сознания. Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл. Духовный – Я и Ты» [10, 251].

Исторически это преобразование произошло в два этапа: сначала (по-видимому, еще в 1980-е годы) В.П. Зинченко ввел биодинамическую ткань (движений и действий) в число образующих сознания (модель двухслойного сознания), а трехслойная модель с шестью образующими, если не ошибаюсь, впервые была описана в «Посохе...» [8]. Автор об этой истории пишет так: «В своих ранних работах по структуре сознания я развивал двухслойную модель. Теперь я убежден в ее недостаточности. Духовный слой сознания в человеческой жизни играет не меньшую роль, чем бытийный (экзистенциальный) и рефлексивный» [8, 318].

На первом этапе своей ревизии леонтьевского представления В.П. Зинченко не считал ее особенно неожиданной. Напротив, он считал удивительным, «что один из создателей психологической теории деятельности не включил в число образующих биодинамическую ткань движения и действия» [3, 22]. Историческую почву для этого введения В.П. Зинченко видел в работах 1930–1940-х годов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.В. Запорожца, П.И. Зинченко и особенно Н.А. Бернштейна. Добавим, что дополнительной мощной поддержкой идеи двигательной образующей сознания могла бы послужить концепция сенсомоторного интеллекта, разработанная Ж. Пиаже, а также концепция Дж. Брунера о трех способах репрезентации: действие, образ и символ (включая язык).

Духовный слой является, пожалуй, самым оригинальным новообразованием по сравнению с представлениями А.Н. Леонтьева. Благодаря этому модель структуры сознания приобрела отчетливое личностное содержание (и центрирование). Не случайно в связи с введением этого слоя В.П. Зинченко цитирует слова В. Франкла о том, что, согласно немецкой философской антропологии (в лице М. Шелера): «Личность – центр духовных актов, <...> и соответственно центр всего сознания, который сам не может быть, однако, осознан» [10, 266]. С точки зрения Z-модели «...глубинная и вершинная психологии одинаково важны. Одна невозможна без другой, а вместе они составляют одно целое. Вне бытийного и рефлексивного слоев сознания невозможно образование слоя духовного. Лишь взятые вместе все три слоя сознания составляют полифоническое, полноценное, открытое миру и смыслу сознание» [10, 320]. Быть может, это стремление к сочетанию (единению, гибридизации) противоположностей и является настоящей заслугой мастера.

Мне представляется, что Z-модель сознания с тремя слоями и шестью образующими является важным шагом в развитии представлений о структуре сознания, выводящей эти

представления на новый уровень сложности и эвристических возможностей. Однако некоторые принципиальные особенности этой конструкции вызывают сомнения и замечания (об этом речь пойдет после краткого описания второй части Z-концепции).

Z-модель духовного развития в достаточно полном виде описывается в «Посохе...», хотя ее базисная метафора (самотрансформируемая в полете многоступенчатая ракета) и концептуальные единицы разрабатывались автором в более ранних статьях 1990-х и в книге «Человек развивающийся» [11]. Если говорить о прототипах этой модели, то в области психологии отдаленным прототипом, вероятно, должна быть названа теория развития высших психических функций, хотя ее сходство с Z-моделью прослеживается не в конкретном содержании (наполнении) этапов развития, а преимущественно на глубинном уровне – на уровне «основных принципов, логики построения схемы», что проглядывает, например, в использовании для описания механизма развития таких понятий как реальная и идеальная форма, опосредствование и т.п.

Вертикаль духовного развития представлена В.П. Зинченко в виде оригинальной графической схемы [8, 150], имеющей семь ступеней (узлов развития), возникновение которых описывается (подобно библейской генеалогии) как цепь переходов от одной формы активности к другой (или от одного функционального органа к другому) посредством семи медиаторов (знак, слово, смысл, символ, миф, лик и духочеловек): 1) живое движение порождает действие, 2) действие порождает самосознание, 3) самосознание порождает деятельность, 4) деятельность порождает сознание, 5) сознание порождает поступок (свободное действие), 6) поступок порождает личность, 7) личность порождает деяние (или в другой формулировке: «новые формы деятельности»).

Вопрос о том, насколько согласованы Z-модель сознания и Z-модель духовного развития, требует особого рассмотрения. Если верить картинке «вертикаль развития», то, очевидно, они согласованы в том, что вектор развития направлен от бытийных (экзистенциальных) уровней через рефлексивные к духовным уровням. Но некоторые утверждения автора заставляют усомниться в таком понимании.

Критические замечания к Z-концепции

Относительно анализируемой концепции можно высказать два основных замечания. Во-первых, в Z-модели не дифференцированы и не скоординированы три аспекта: форма (материал, ткань), содержание и процессы (функции) сознания. В каком-то виде все эти аспекты используются автором, но нет ясного представления о том, как с ними соотносятся понятия слоев и образующих. Во-вторых, и это логически связано с предыдущим замечанием, жесткое распределение образующих по слоям не является обоснованным порождает массу вопросов, например: неужели Я, Ты, значение или смысл не представлены на бытийном уровне (скажем, в чувственной⁸ или биодинамической ткани), почему живое движение рассматривается отдельно от Я (т.е. живое движение и Я отнесены к разным слоям). В то же время создается впечатление, что в противоречии с исходными положениями своей модели автор иногда отходит от строгого распределения образующих сознания по его слоям. Примером могут служить следующие утверждения: смысл «присутствует не только во всех компонентах структуры, но и воплощается в продуктах деятельности индивида» [10, 260]; «образ мира и смысл в принципе не могут существовать вне биодинамической ткани движений и действий...» [10, 260].

Подозреваю, что многие проблемы этой концепции (в обеих ее частях) порождаются именно тем, что автор изначально распределил образующие сознания по разным слоям, тогда как на самом деле такие образующие, как значения, смыслы, Я, Ты и т.д. образуют не тот или иной слой, а сами имеют «слоистую» структуру.

В качестве содержательных образующих сознания могли бы выступать такие единицы как Я (вместе с его смысловыми переживаниями, движениями, действиями и поступками) и не-Я (в том числе Другой, предметы, знаки и их значения), дифференциация которых начинается в онтогенезе достаточно рано. Понятие слоев сознания можно было бы связать с разными способами репрезентации образующих сознания и отношений между Я и не-Я. Например, бытийному слою можно поставить в соответствие сенсорно-перцептивную репрезентацию, рефлексивному слою –

⁸ Мне представляется вполне разумной идея Ф.Е.Василоука ввести в модель структуры сознания такие компоненты как чувственная ткань значения и чувственная ткань личностного смысла (см. [2]).

идеаторную репрезентацию, а духовному слою – абстрактную (безобразную). И Я, и не-Я, а также их взаимоотношения (взаимодействия – физические, информационные или коммуникативные) репрезентируются всеми слоями (и всеми способами), если, конечно, они сформированы.

В нормальном развитии сознания все слои работают совместно и синергично. Идеаторный образ (воспоминание о прошлом событии, представление невидимого предмета, образное проектирование предстоящего движения или действия) базируется на сенсорном материале (чувственной ткани). В свою очередь идеаторный образ может служить опорой для интерпретации высоко абстрактных понятий. Собственное Я представляется не только в духовном слое, но и в других слоях. Во второй части Z-концепции, посвященной развитию человека, В.П. Зинченко с большим вдохновением пишет о том, что «восхождение к духовности начинается с живого движения, в котором неразличимы его внешняя и внутренняя формы» [10, 167], но что такое живое движение как не одна из форм активности Я, исходно представленной в бытийном слое? Развитие Я начинается с живых движений и благодаря им. В своем чисто абстрактном философском значении Я не является ни живым, ни близким нам, хотя, по-видимому, и очень духовно.

Значение слова (термина) также может воплощаться на всех уровнях: сенсорные понятия, конкретно-образные понятия, абстрактные понятия. Такие как бы однослойные значения способны к синергичному взаимодействию, создавая полифоническое многослойное значение. Использование метафор для высоко абстрактных понятий (например, развитие, сознание, Я, дух, субстанция и т.п.) служит тому, чтобы обогатить это понятие предметно-чувственным содержанием.

В последних работах В.П. Зинченко можно обратить внимание на появление нового термина – «аффективная ткань», в котором можно заподозрить заявку на новую образующую сознания. С моей точки зрения, этот термин вполне можно интерпретировать как представление смысла на сенсорно-чувственном (бытийном) уровне, в то время как (в терминах А.Н. Леонтьева) собственно эмоции (эмоциональные переживания) являются реализацией смысла на идеаторном (рефлексивном) уровне, а ценностные ориентации являются представителями смысла на абстрактном (духовном) уровне.

Возможно, описывая бытийный слой сознания В.П. Зинченко опирался на понимание переживания в концепции живого знания, развивавшейся С.Л. Франком. Переживания «даны именно в лице чувственного материала душевной жизни (чувственных ощущений, внешних и органических, и связанных с ними эмоций и стремлений), ибо именно этот чувственный материал... придает впервые душевной жизни характер "моего индивидуального", единичного сознания. Правда, сами по себе переживания, как было указано, не тождественны ни с знанием вообще, ни с живым знанием. Однако, поскольку наше бытие (бытийный слой сознания?- Б.М.) есть с самого начала в несовершенной, смутной форме единство переживания с знанием, эта смутная форма должна лишь быть прояснена, чтобы стать живым знанием» [22, 363].

В Z-модели духовного развития также можно обнаружить противоречия, главное из которых, скорее всего, является следствием указанных проблем Z-модели сознания. К не главному и легко исправляемому можно, к примеру, отнести следующее: в одной книге живое движение характеризуется как «живая душа», а «утрата живого движения – это утрата души» [8, 167], в другой книге утверждается, что «живое движение, во всяком случае в его исходных “бесформенных формах”, представляет собой допсихическое образование» [10, 167], но там же говорится, что живое движение «не является внешним по отношению к психике. Оно и есть психика, во всяком случае, ее душа!» [10, 481].

С моей точки зрения, главным противоречием Z-модели духовного развития является то, что она должна быть признана парадоксальной концепцией развития почти без развития. Автор и сам очень точно фиксирует этот парадокс (противоречие?), но особой беды в нем не видит: «Что же это за развитие, в котором все основные новообразования появляются практически сразу. Попытаюсь показать, что это не произвол интерпретатора, а другое понимание развития» [8, 161]. Одним из конкретных примеров такого понимания служит следующее положение: «Духовный слой сознания, конструируемый отношениями Я–Ты, формируется раньше или, как минимум, одновременно с бытийным и рефлексивным слоями. Иными словами, формирование сознания осуществляется не поэтапно, впрочем как и формирование умственных и других действий (пора отказываться от

привычного советского лексикона: лагерь, этап, зона, светлое будущее и т.п.). Формирование сознания – это единый синхронистический акт, в котором с самого начала вовлекаются все его образующие. Иное дело, что этот акт может продолжаться всю жизнь и, конечно, не совершается автоматически» [8, 324]. И чтобы совсем не было сомнений: «Как я старался показать выше, развитие ребенка, благодаря *свету слова*, начинается с “верхнего до”, с образования духовного, символического слоя сознания, с “вершинной психологии”...» [10, 454].

Заметим, что представленный выше вариант отказа от жесткого распределения образующих сознания по разным слоям устранял бы противоречие с положением о том, что «формирование сознания – это единый синхронистический акт, в котором с самого начала вовлекаются все его образующие», но сохранял бы перспективу генетической развертки слоев в соответствии с разными способами репрезентации образующих сознания. С другой стороны, понять то, как развитие без какой-либо мистики начинается в «верхнего до», помогает понятие пролепсиса. Опять-таки прибегну к самоцитированию: «Пролепсис <...> – один из важнейших «механизмов» психического и личностного развития человека, заключающийся в ситуации, когда сам субъект развития в себе и/или какой-либо другой человек «видит» в нем то, что должно быть достигнуто в результате более или менее длительного процесса развития. <...> М. Коул [13] определяет пролепсис следующим образом: культурный механизм, переносящий «конец в начало» <...> Примером пролепсиса (в данном случае его можно назвать гетеропрелепсисом) может служить нормальное отношение родителей к младенцу как личности, с которой следует общаться и действовать совместно (персонификация младенца); более того, уже у новорожденных иногда «открываются» признаки будущих черт характера и выдающихся способностей <...> Подобные авансы (и мифы) имеют огромное значение для личностного развития ребенка. Благодаря им взрослые стремятся к тому, чтобы насытить совокупную деятельность не только эмоциональными средствами общения, но и подлинными знаками (в т.ч. речью)» [18, 506-507].

Таинственный избыток индивидуальности

В.П. Зинченко любил цитировать слова М.К. Мамардашвили: «Вне духовного содержания – любое дело – это полдела. Не представляю себе философию без рыцарей чести и человеческого достоинства. Все остальное – слова. Люди должны узнавать себя в мысли философов» [15, 199]. И часто добавлял: «И в мысли психологов тоже» [8, 102]. С давних пор вполне справедливым считается испытывать любое изобретение в первую очередь на самих изобретателях. Несколько лет назад я из высказываний В.П. Зинченко о деятельности, сознании, личности составил анонимный портрет человека, в котором, однако, трудно было не узнать самого Владимира Петровича. Воспроизведу его в том же виде.

Следует признать наличие тайны в этом человеке, в его душе и в его сознании, и не пытаться ее раскрыть: разве только прикоснуться [10, 68]. Кто бы ни сотворил этого человека, «сделано это с умом: его телесный и духовный организм снабжен огромным числом избыточных степеней свободы» [10, 548]. Несомненно, у него «имеется все достаточное и необходимое: есть избыток степеней свободы кинематических цепей <...> тела, избыток степеней свободы образа по отношению к оригиналу, избыточен язык, память, свободно мышление, <...> сознание приближается (иногда) к абсолютной свободе» [10, 214]. Наконец, он «обладает избыточным числом своих собственных Я» [10, 200]. И он «по мере активного, деятельного или созерцательного проникновения во внутреннюю форму слова, символа, другого человека, произведения искусства, природы, в том числе и своей собственной, строит свою внутреннюю форму, расширяет внутреннее пространство своей души, говоря словами О. Манделштама, создает *пространства внутренний избыток*» [10, 559].

Его полифоническое мышление полисемично и синкретично: в нем встречаются и перекликаются голоса понятий, образов, аффектов, символов, ощущаемых смыслов, метафор, метонимий, перебивающих, упреждающих, сопровождающих и дополняющих монологический голос рации (ср. [10, 98]).

Его сознание – «живое, текстовое, мифологическое, – в отличие от плоского, одномерного, идеологического, имеет многослойное строение. Оно сплетено из биодинамической ткани действий, чувственной ткани образов, ткани (материи) языка, мыслительной, аффективной ткани,

ткани переживаний, ткани социальных отношений и ткани живого человеческого опыта. Все это сплетение пронизано смысловыми швами, скрепляющими его» [10, 105-106].

В своем духовном развитии он подобен многоступенчатой ракете, ступени которой конструируются по ходу полета [8, 148-149; 10, 158], а траектория полета (равно как и траектория развития его сознания и творчества) – уникальна, неповторима, непредсказуема. Такое спонтанное и свободное конструктивное развитие можно понять «не как усвоение, присвоение, послушание, а как саморазвитие, самостроительство, творчество себя» [8, 124]. Однако самым темным и загадочным моментом этого развития является «переход от внешней детерминации развития к внутренней, к самоопределению и саморазвитию» [8, 153].

Его «дух сам находит, в чем опредметиться. <...> Он свободен и в этом его непреоборимая сила»; его «духовность – это не какие-то воспарения, не витающий в нашей духовной жизни пар, а материя. Поэтому не случайны сравнения живого духа и его движения с машиной, самолетом, ракетой и т.п., которые произведены им же и стали орудиями человеческого духа» [10, 165].

Его «личность есть предмет восхищения, зависти, ненависти, незаинтересованного художественного изображения, а не предмет изучения. Она не требует экстенсивного раскрытия: ее видно по жесту, взгляду, слову...»; она «непосредственна, ей свойственны “участность в бытии”, “поступающее мышление”, свободные действия – поступки» [10, 545]. В целом, эта личность – «таинственный избыток индивидуальности», от встречи с которой остается ощущение: *Esse homo* [10, 546].

Библиографический список:

1. Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1931.
2. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993, № 5, с. 5-19.
3. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991, № 2, с. 15-36.
4. Зинченко В.П. Проблемы психологии развития (читая О. Мандельштама) // Вопросы психологии, 1991, № 4, 5, 6; 1992, № 3-4, 5-6.
5. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии, 1993, № 4, с. 5-19.
6. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ, Серия 14, Психология, 1993, № 2, с. 41–50.
7. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология. М.: Изд-во РОУ, 1994.
8. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
9. Зинченко В.П. Добавление редактора к статье «Личность» // Большой психологический словарь. – 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
10. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
11. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. Изд. 2-е, уточненное и дополненное. М.: Гривола, 1994.
12. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
13. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997.
14. Леонтьев А.Н. О творческом пути Л.С. Выготского. Вступительная статья // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982.
15. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, Культура, 1990.
16. Мещеряков Б.Г. Логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского. Самара, 1998.
17. Мещеряков Б.Г. Гибридные понятия // Большой психологический словарь. – 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009, с. 125.
18. Мещеряков Б.Г. Пролепсис // Большой психологический словарь. – 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009, с. 506-507.
19. Мещеряков Б.Г. Z – концепция, как я ее понимаю // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. Коллективная монография / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 640 с., с. 141-162.
20. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

21. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
22. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.
23. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Meshcheryakov B.G. Discovering V. P. Zinchenko's works – overcoming redundant degrees of freedom in understanding.

The paper analyses the main creative motifs evident in the latest publications by the founder and first head of the Department of Psychology at Dubna University - V. P. Zinchenko (1931-2014), as well as distinctive features of his style of thinking: its hypothetical and encyclopedic character, anthropocentricity, metaphoricity and iconicity. The three main directions of research are considered: the origins of cultural-historical psychology, the levels and constituents of consciousness, spiritual evolution of the human being.

Key words: V. P. Zinchenko, cultural-historical psychology, constituents of consciousness, the vertical dimension of spiritual development .